

ОБРАЗ РОДИНЫ ИЛИ ПРИЗРАК ИМПЕРИИ?

А. И. Щербинин

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается дефицит конструктивного понимания феномена «Родины» с точки зрения нациестроительства, мобилизации ресурсов общества. Предпринята попытка методологического обоснования исследования феномена Родины. Проводится сравнение современной ситуации нациестроительства в России с периодом создания советской нации в середине 30-х годов прошлого века. Тема также раскрывается автором на примере зимней Олимпиады и воссоединения Крыма с Россией. Показаны возможные издержки и разные сценарии решения.

Ключевые слова: Родина, Россия, нация, конструкт, империя, Олимпиада, Крым.

IMAGE OF THE MOTHERLAND OR THE GHOST OF THE EMPIRE?

Alexey Shcherbinin

National Research Tomsk State University, Russia

The paper deals with the deficit of constructive understanding of the phenomenon of “Motherland” in the context of nation-building, of resource mobilization of the society. The author tries to methodologically prove the research of “Motherland” phenomenon. The author compares the current situation with the period of the Soviet nation creation of the mid 30s of the last century. Themes is also explored on the example of the Winter Olympics in Sochi and of the Crimea-Russia reunion. The possible charges and different solution scenarios are shown.

Keywords: Motherland, Russia, nation, construct, empire, Olympics, Crimea.

Одним из главных коммуникативных трюмов между обществом и властью, внутри общества, между прошлым, настоящим и будущим, на наш взгляд, является отсутствие идентичности по главному вопросу смыслодержания общенационального локуса, с которым соотносят себя постсоветские россияне. Казалось бы, это вообще не вопрос: есть фиксированная территория, общегосударственные законы, государственная символика и т. п. Но, оказывается, этого недостаточно. Государственные символы, государственные практики осознаются, но не осмысливаются, не становятся внутренней потребностью народа. Итак, мы уже включили в оборот такие категории, как «государство», «территория». Остается добавить ещё «страна» и «Родина». Оставим в стороне категорию «государство» как неперспективную в нашем рассуждении и обратимся к «стране», «территории» и «Родине».

По нашему мнению, изыскания в этих вопросах не вполне вписываются в исключительно теоретические рассуждения. Российская постсоветская практика экономического и поселенческого отчуждения подвела к критической черте понимание России как некоей суммы производительно значимых территорий и оставшегося неперспективного балласта. Кстати сказать, вопрос о неперспективных поселениях впервые был поставлен ещё в советское время. Сейчас же это приняло масштабы, где единицами подобного активирования являются не просто города и районы, но и целые регионы, перебравшие кредиты, не сумевшие наладить отношения с добывающими предприятиями и им подобными владельцами «земель маркиза де Караба». Нет нужды объяснять, что отчуждение в отношениях с территорией граничит с колониальным. Но именно последние двадцать три года Россия управляется и осознаётся элитой как *территория*. Впрочем, у нас есть пример, показывающий, что такие отношения не просто неприемлемы, они жизненно опасны. Один из первых представителей российской элиты, попавших под санкции США, Юрий Ковальчук в эксклюзивном интервью программе «Вести недели» так сказал об украинских олигархах: «...Для многих бизнесменов Украина – это место добывания прибыли, это не дом. Если бы это был для них дом, я имею в виду крупный бизнес Украины, они бы никогда в жизни не устроили то, что там сейчас происходит, потому что в своём доме такое устраивать не будет никто» [Ковальчук 2014].

Концепт «страна», на наш взгляд, также относится к внешнему для человека миру, остаётся этимологически связанным с содержанием ‘сторона’, ‘сторонний’, ‘странный’, ‘странник’. Это тот самый «алтарь без божества», о котором писал Пушкин:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Разводя понятия «Родина» и «Отечество», Ирина Сандомирская причисляет концепт «Отечество» к имперскому периоду нашей истории, полагая его как светскую церковь (с алтарём, жертвами, служением) [Сандомирская 2001, 157–188]. Таким образом, в отличие от Родины, Отечество – это конструкт идеально-официальный.

Из дуального соотношения естественного и политического (территория/страна) Родина выпадает. И совершенно правомерно, ибо Родина есть не тело, а душа – наполнение нашего внутреннего мира. На сайте «Аткрытка.com» я нашёл такие слова: «Родина – это не та страшная страна, которая вокруг нас, а та, которая внутри». Поэтому нормальное территориально-политическое образование может существовать только в триединстве души, естественного и политического тела.

Сделаем промежуточный вывод: различные схемы соединения «территории» и «страны» имеют смысл, когда они скреплены Родиной, а её появление неизбежно связано с рождением нации. СССР жил без концепта Родины почти двадцать лет. В современной России более двадцати лет для того, что-

бы вспомнить о Родине, мы обращались к советскому прошлому [Щербинин 2011, 98–109]. Даже если остаться в рамках поверхностных сравнений, у нынешней России много общего с СССР середины 30-х годов. Вновь поднимаются проблемы освоения Дальнего Востока, Арктики, состояния российской границы. Сложился набор публицистических «аналогий» гражданской войны в Испании 30-х годов прошлого века и помощи самопровозглашённым республикам Юго-Востока Украины, укрепляется символическое значение ВДНХ и Артека. Более глубокое прочтение этих тенденций показывает, что современная Россия, подобно своему историческому предшественнику, пытается вырваться из плена переходного периода, и одним из непереносимых условий этого выхода является осмысленный и целенаправленный процесс нацистроительства. Карен Петроун пишет: «Понятие „Родина“, которое использовалось в дореволюционной патриотической культуре, исчезло из советского официального дискурса в 1920-х гг., но опять появилось в середине 1930-х гг.» [Petrone 2000, 54]. Что способствовало самоидентификации? Целенаправленное конструирование территории как Родины через позитивную идентичность и героические практики освоения Арктики, рекорды высоты и дальности полёта лётчиков, когда концепт «Родина» строится на концепте героического и героическом мифе. И негативная идентичность, когда героизм пограничников, командиров и красноармейцев является проводником смысла тотального противостояния СССР всему миру.

Мы можем фиксировать, что сейчас в меняющемся мире процесс национальной идентичности россиян пошёл ускоренными темпами. Вначале на рост самосознания повлияли успехи Сочинской олимпиады и нашей сборной, аналога которым не только в постсоветской истории, но и в отечественной истории последнего полувека трудно найти. У России появились свои герои. Однако всё это произошло уже после олимпиады. Само же открытие вовсе не обещало подобного эффекта. В подтверждение рассмотрим символическую составляющую церемонии открытия XXII зимних Олимпийских игр в Сочи, посредством которой была репрезентирована Россия Владимира Путина. И здесь мы имеем дело не только с общими законами массовых церемоний, схожестью форм, но и со сложившейся устойчивостью объясняющей модели. Содержательно организаторы повторили схему селекции исторических событий, которая была продемонстрирована 12 июня 2004 г. в визуальном ряду Дня России на Красной площади. Тогда были показаны лишь парадные персонажи эпох Петра I, Екатерины II и начала XX века. Из конструкта выпали остальная история, включая советскую историю и эпоху перестройки, демократизация как начальный этап современной эпохи была редуцирована до фигуры гостя праздника – бывшего президента Ельцина. Так десять лет назад визуально были символизированы ценности нового режима.

Если теперь обратиться к сочинскому визуальному шоу, названному «Сны о России», то станет очевидным, что «Русская азбука» задаёт смысл «живым картинам». Она буквально демонстрирует символ веры режима: азбука, Байкал, вертолёт Сикорского, Гагарин, Достоевский, Екатерина II, ёжик в тумане, Жуковский, зерноуборочная машина, империя, Чайковский («Й»), Кандинский, луноход, Малевич, Набоков, орбитальная станция, периодическая таблица, русский балет, спутник, Толстой (в телевидении), ушанка, «Фишт»,

хохлома, Циолковский, Чехов, Шагал, Щусев, Пушкин («Ъ»), мы («Ы»), любовь («Ь»), Эйзенштейн, Парашют («Ю»), Россия – «Я».

На поверхности «картинки» России и миру были явлены всё те же Петр I и Екатерина II, но центральным смыслонесущим знаком стала Империя. Этот имперский мотив визуально подчёркивается и презентацией народов, её населяющих. Если же взять визуальный ряд в развёрнутом виде, то получаем калейдоскопическую картину из похода аргонавтов, петровского флота, бала Наташи Ростовской, переходящего в «грозу двенадцатого года», марша машин, прорыва в космос и т. д. Нет нужды обвинять идеологов церемонии в предвзятом отборе эпох. Еще Уорнер в своей книге «Живые и мёртвые» оправдывал подобную визуальную и символическую селекцию. Главное, чтобы события превратились «в символы, приоткрывшие какую-то часть внутреннего мира причастных к этому людей и нынешние представления и ценности этого коллектива» [Уорнер 2000, 124–136].

Несмотря ни на что, мы имеем дело с выверенным конструктом, у которого было две цели. Внутриполитическая – сплотить народы России вокруг беспрецедентного события в её истории – первых домашних Олимпийских игр. Итак, внутренний вопрос: «Кто мы как сообщество?». Вторая цель, внешняя и более значимая: «Как и какой надо видеть Россию?» Именно эта цель доминировала, если судить по элементам «Русской азбуки». Что же получилось? На наш взгляд, задуманная в таком виде репрезентация России получилась как поверхностная её презентация, да и та была однобоко ориентирована на западного зрителя-интеллектуала. А это явление редкое в эпоху комиксов и компьютерных игр. Послание не считывалось ни средним европейцем, ни американцем, ни даже россиянином. В целом эффект получился неожиданный и противоречивый: зрителю XXI века была явлена Россия как европейская империя, в которой к тому же отсутствует современность. Таким образом, зрелище получилось красивым, величественным, но непонятым. Что касается формы, то визуальный микс из эпох и имён вполне подходит под общее название «Сны о России», но это сны о её прошлом: «Старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» (Иоиль 2:28).

Тем не менее, сама Олимпиада, успехи нашей сборной стали беспрецедентным событием во всей постсоветской истории (и не только спорта). Именно она может стать центральным образом, заполняющим пробел Современности в визуальной истории России и зарядить позитивом и конструктивом видения юношей о будущем страны. Нон-стоп события на Украине, позиция России по Крыму, где, с одной стороны, часть, стремящаяся к целому под лозунгом «Мы идём домой», заставляет подумать о том, а мы-то кто в этом доме. И снова позиция, фактически связанная с международной изоляцией и угрозами санкций, становится катализатором рождения нации, обращения к Родине. Бесспорно, Родина – это конструкт, но для него недостаточно «игр патриотов» или телешоу имперского пошиба. Сотворцом такого конструкта являются власть, элита и народ – все эти части должны работать. В нашем случае возможно поверхностное ограничение официальной риторикой Отечества и полупрямой эксплуатацией идеи Империи (как было на открытии Олимпиады). Для этого сегодня есть и эмоциональный накал, да и возросший рейтинг В. В. Путина создаёт соблазн пойти проверенным путём.

Было бы, разумеется, наивным видеть сегодня Россию единой в этом процессе. Вне его остаётся в известной степени либеральный спектр во главе с теми, кого официальное мнение именует «пятой колонной». Не отстаёт и левая публицистика. Для них Родина – это СССР. Так, апрельский номер газеты «Мысль» за 2014 год вышел под общей шапкой «Пора возвращаться на Родину – в СССР». А в статье В. Кожевникова «Вернуть свой советский дом» автор замечает, что крымчане наивно считают, что они «вернулись домой, в Россию». По мнению автора, и им, и всем жителям страны лозунг был «вовремя подсунут российскими политехнологами». Однако, считает В. Кожевников, «не могут крымчане „вернуться домой“, потому что нынешняя Россия – это Россия буржуазная. Некуда им возвращаться! И у российских трудящихся нет своего дома – его у них тоже, как и у крымчан, как и у всего трудового народа страны Советов, отобрали тогда, в 1991 году, Современная Россия – это дом для российских буржуев, их Отечество. Как современная Украина – это дом украинской буржуазии» [Кожевников 2014]. Автор призывает не бегать от одной национальной буржуазии к другой, а отобрать у неё политическую власть, вернуть свою страну, отнятую у трудящихся двадцать лет назад.

И всё же события февраля-марта 2014 года свидетельствуют о начале нового мощного процесса, пока ещё политико-культурного. Он, действительно, стал выстраиваться вокруг однозначного посыла крымчан: «Россия-мать, прими нас домой». Наряду с поддержкой этого движения возникает осознание «А мы вообще кто?». Алексей Чалый – народный губернатор Севастополя – сравнивает отношение россиян и крымчан к российскому паспорту и говорит, что мы – коренные россияне – привыкли и не видим в нём ценности. Наверное, не совсем так. Трудно было осмысливать как Родину то пространство, которое возникло в результате приватизации и пофигизма, пришедшего на смену демократическому подражательству. И ещё один момент, не эксклюзивный для противостояния с Западом (были конфликты вокруг Грузии, Ливии, Сирии и т. п.). Но впервые за много лет современной истории Родина познаётся через жёсткое противостояние с Западом, который фактически уже на ближних рубежах нашей страны.

Пока процесс идёт, Путин ищет пути на Восток, Никонов говорит о «русском мире», насчитывающем, по его мнению, 300 млн человек. Боюсь, как бы опять не осталась незамеченной собственная страна как гарантированный объект инвестиций, а давление в патриотическом «котле» не ушло в сиюминутный «свисток». Свыше 120 лет назад Д. И. Менделеев, анализируя ресурсы России и основные направления их использования, рекомендовал в работе «Толковый тариф» Александру III и его министрам обратить внимание на один из российских парадоксов: «Добывать только сырьё – значит отказаться от сливок, довольствуясь снятым молоком, потому что сырьё само по себе часто не потребляется людьми, и его отправка, переделка и обработка требует труда не меньшего, чем сама добыча сырья. А так как добывать сырьё может и дикарь, ценность своего труда мало ценящий, обработка же производится приёмами, доставляемыми образованностью, ценящей свой труд, даже подготовительный, то крупнейшие заработки во всех отношениях достаются на долю лиц обрабатывающих, а не на долю добывателей сырья» [Менделеев 2002, 117]. Это рассуждения человека, осознававшего водораздел между тер-

риторией, страной и Родиной и писавшего о том, что «надо ещё немало поработать мозгами в Государственной думе, чтобы законами поощрять труд и вызвать порывы долга перед Родиной» [Баландин 2002, 100].

С другой стороны, сегодня есть идея формирования российской нации, оформленная в качестве приоритетной на уровне Совета при Президенте по межнациональным отношениям и закреплённая в Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года, одна из приоритетных целей которой – «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации». Остаётся наполнить официальный документ практическими делами, охватывающими всё общество. Другой вопрос, что понимается под «нацией» – надэтнический конгломерат или гражданский эквивалент народа. В последнем пока нет твёрдой уверенности.

В канун встречи в Нормандии В. В. Путин дал интервью ведущим французским журналистам Радио «Европа-1» и Телеканала TF-1. «ВОПРОС: Но Вы хотите быть защитником российской нации или символом российского национализма, Российской империи? Мы знаем, что Вы сказали, когда рухнул Советский Союз. Вы сказали, что это была самая страшная геополитическая катастрофа XX века. И Вы сказали, что тот, кто не сожалеет о распаде Советского Союза, у него нет души, но тот, кто хочет его восстановить, у него нет разума. У Вас есть разум. Что Вы предлагаете: российский национализм или империю России в прошлых границах? В. ПУТИН: Ни российского национализма мы не будем поддерживать, ни империю не собираемся возрождать» [Путин 2014]. Вопрос о нации ввиду «сложностей перевода» остался открытым.

Объективно сегодня есть все моральные и политико-культурные предпосылки для «рождения Родины». Этот процесс мало кого оставляет равнодушным, но одни воздвигают из неё кумира, удовлетворяясь лозунгами и ура-проектами, другие ждут реального обновления России на основе гражданского служения всех слоёв без исключения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баландин 2002 – Баландин Р. К. Обыкновенный гений // Менделеев Д. И. К познанию России. Москва, 2002. С. 5–30.
- Ковальчук 2014 – Юрий Ковальчук: «фактор Путина» помог обществу выбрать правильную сторону. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1404437&tid=106434> (дата обращения 13.06.2014).
- Кожевников 2014 – Кожевников В. Вернуть свой советский дом // Мысль. Газета РКРП-КПСС. 2014. № 5 (367). С. 1, 3.
- Менделеев 2002 – Менделеев Д. И. К познанию России. Москва, 2002.
- Путин 2014 – Интервью В. В. Путина французским журналистам. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravda-tv.ru/2014/06/05/63243> (дата обращения 10.06.2014).
- Сандомирская 2001 – Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
- Уорнер 2000 – Уорнер Уильям. Живые и мёртвые. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000.

Щербинин 2011 – *Щербинин А. И.* Тоска по Родине: ностальгия как поиск утраченного смысла // Ностальгия по советскому / Ответ. ред. З. И. Резанова. Томск, 2011. С. 98–109.

Petrone 2000 – *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: celebrations in the time of Stalin. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2000.

Материал поступил в редакцию 29.08.2014

**МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА
КАК ВИЗУАЛЬНАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ «РОССИИ»**

Н. Г. Щербинина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Рассматриваются проблемы смысловнесущей политической коммуникации, осуществляемой на семиотически понимаемом языке монументальной скульптуры. Суть такой коммуникации состоит в конструировании смыслового мира. Метод Ж. Деррида позволяет нам утверждать, что при конституировании визуальных рядов происходит деконструкция России как знака. В статье подтверждается такого рода «игра» политической символики. Автор выделяет две основные визуальные линии монументального означивания России: героическая символизация политической власти и воплощение «идеи народного единства». Обе линии демонстрируют деконструкцию знака «Россия» и в текстуальном, и в контекстуальном смысле. Как следствие, визуальные феномены утрачивают именно коммуникативные свойства.

Ключевые слова: деконструкция, визуальная политическая коммуникация, язык монументальной скульптуры, смысловой мир, различие, текст, контекст, знак, Россия.

**MONUMENTAL SCULPTURE
AS A VISUAL DECONSTRUCTION OF “RUSSIA”**

Nina Shcherbinina

National Research Tomsk State University, Russia

The paper deals with the problems of bringing sense into political communication that is performed in semiotic understandable language of monumental sculpture. The core of such a communication is to construct the semantic world that acquired a linguistic form of heroic political myth in our political culture. But J. Derrida's method allows us to confirm that during the institutionalization of visual images the deconstruction of Russia as a sign takes place. In the paper some examples of this kind of “game” of political symbolics are given. In general, there are two main visual forms of monumental designation of Russia: these are the heroic symbolization of political power and the implementation of “national unity idea”. Both forms demonstrate the deconstruction of the sign “Russia” in text and in context sense. As a consequence visual phenomena have lost namely the communicative properties.

Keywords: deconstruction, visual political communication, language of monumental sculpture, semantic world, difference, text, context, sign, Russia.